

Житие богомильского христа

Боже упаси, пробывать в лагерях и в тюрьмах с 1931 года, работать на тяжелых работах в шахтах, на лесоразработках, на сплави, на погрузке леса, и на железной дороге, строить дороги, и на приисках, и на всяких работах между всякими людьми, под всякой обидой, между всякими людьми неподобными сохранить себя и соблюдать себя во всем, и благочестно жить до сего дни, и поступать благородно и нравственно, в тундрах под небом зимой в одеждах ветхих, в заполярии Кандалакша, на снегу спать под небом и считать звезды, с четырех часов утра и до 12-ти часов ночи работать. О, Боже, можно ли вместить другому человеку такую жизнь?!

*Михаил Ершов. Из письма родным
4 июля 1972 года*

Запредельные скорби Гулага дали более полутора тысяч великих христов и богородиц и 20 (!!!), если не больше, тысяч малых. Проходят души свое страстнóе и увенчиваются венцами бессмертных и божеств. Иные, к великому не призванные, терпят малое страстнóе и малые венцы обретают. А кому Добробоженька печать свою поставил, у того страстнóе великое. Великое и воздаяние, великий венец по скорбям.

Блаженный Иоанн

Б Л А Ж Е Н Н Ы Й И О А Н Н

Старец М. В. Ершов

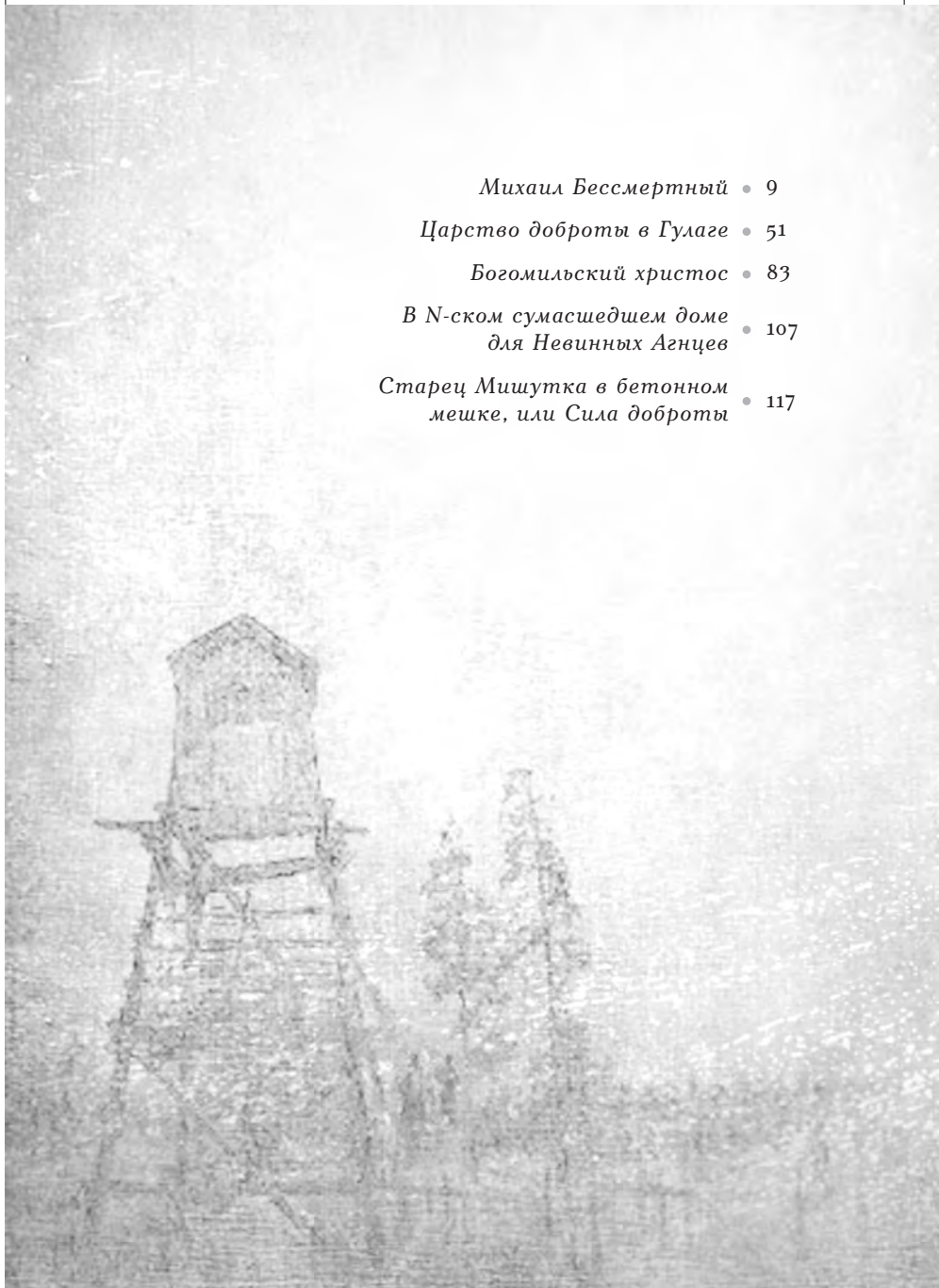
ЦАРЬ
Гулага

ЖИТИЕ БОГОМИЛЬСКОГО ХРИСТА

Парфенон, 2 февраля – 4 августа 2013г.

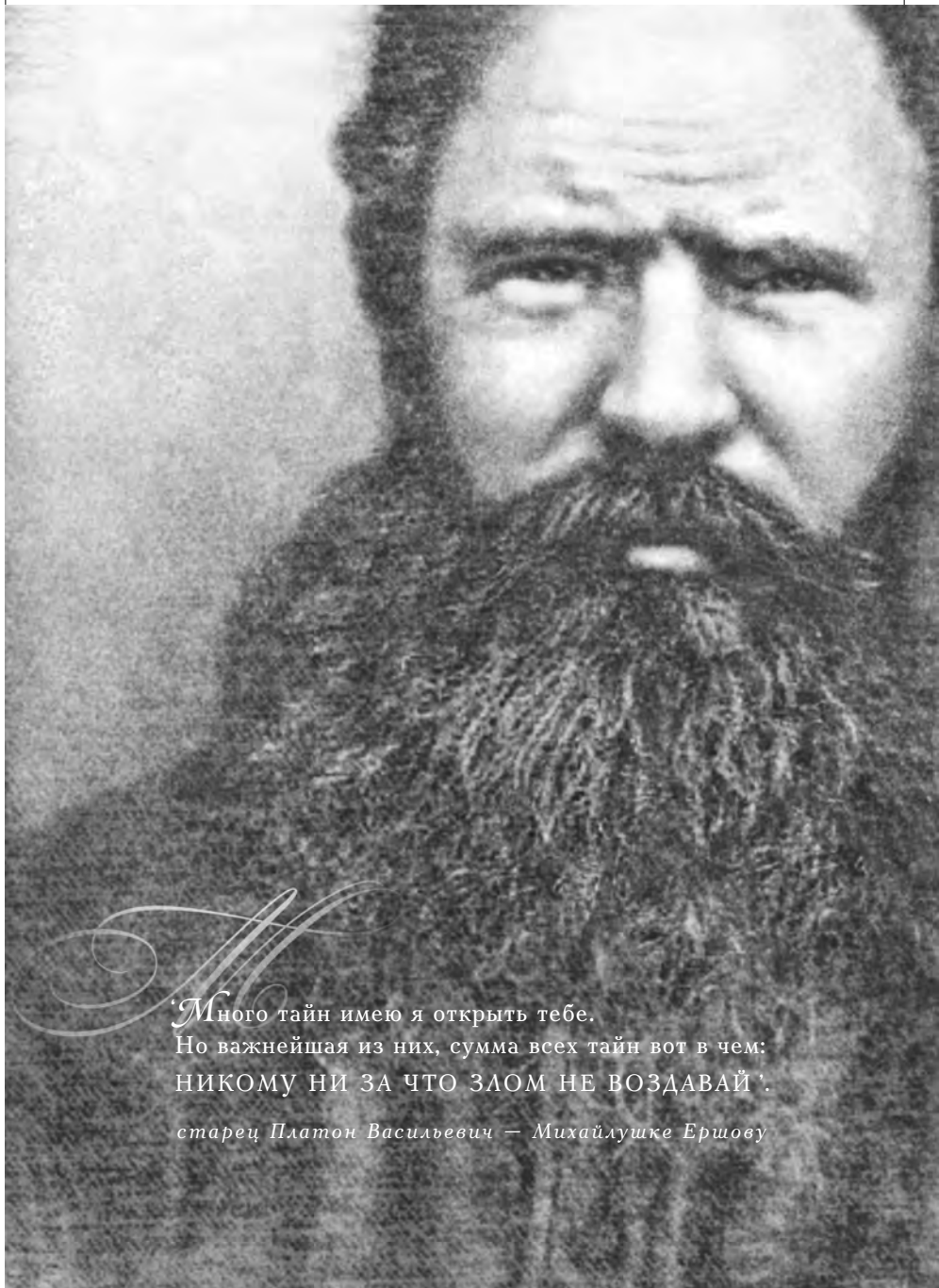
МИР СОФИИ
2013

Михаил Бессмертный • 9
Царство доброты в Гулаге • 51
Богомильский христос • 83
*В N-ском сумасшедшем доме
для Невинных Агнцев* • 107
*Старец Мишутка в бетонном
мешке, или Сила доброты* • 117

По кому тоскуют сегодня святые колодцы?
По богомильцам да богородцам.
Бескорыстные ходят по миру переходные кáлики,
христы-богородицы большие и маленькие.

В скорбях, впрочем, малые да великие,
крестами обложенные да невидимыми веригами.
Затравленные фатальными родовыми программами.
Счастливейшие на земле самые-самые.

*М*ного тайн имею я открыть тебе.
Но важнейшая из них, сумма всех тайн вот в чем:
НИКОМУ НИ ЗА ЧТО ЗЛОМ НЕ ВОЗДАВАЙ'.

старец Платон Васильевич — Михайлушке Ершову

МИХАИЛ БЕССМЕРТНЫЙ

Соловецкие и сан-сальвадорские отцы наши уходили на небеса в Белую церковь и литургисали там как божества. Из Белой церкви с градуляционными жезлами сходят сегодня. И молитвы наши — к огненной той Белой церкви, где литургисуют уже богочеловеки, божества в человеческом обличье.

Ступени богомильские, катарские, перечисленные на Сан-Сальвадоре – ¹ чистый, ² совершенный, ³ посвященный, ⁴ бессмертный, ⁵ боженька – претворялись реально. Старцы убежденные, бэльцы побеждали смерть в запредельном страстном и становились бессмертными: уходили в пакибытие, приобщались к лику божеств.

Один из них – великий старец Михаил Васильевич Ершов.

Родился в 1911-м, незадолго до революции 1917 года (Евфросиньюшка – в 1916-м). Умер... Не умер – жив поныне!¹

Полторы тысячи христов мир спасут

Богомильское поверье: один Христос ничего не смог, а полторы тысячи христов и богородиц мир спасут.

Слышали? Старец-то наш, Мишуленька Ершов (неж-

¹ Старец Михаил жив по сей день. С 19 до 102 лет (83 года) провёл в заключении. – Авт.

но, ласково зовут у богомильцев: Мишуненька, Платонушка, Иоаннушка...) – один из полутора тысяч соловечьих христов!

Как только упоминается богомильская интонация, душа тотчас пускается в пляс:

Старец наш Мишуненька Ершов –
один из полутора тысяч христов,
христос богомильский, мощевитенький!

А сестра его Надежда Васильевна –
вылитая м.Евфросиния!
Мощеньки благоухают,
лампадки не сгорают –
это добрый Отец наш из Чаши чаш упоет
во время литургии с причастием невидимо...

Что́ камера тюремная? Да ничто. Это для вас, отмирских, тюрьма зло. Карцер по-русски, cárce! по-испански. А для бессмертного – брачные палаты!

Бетонный БУР (барак усиленного режима)... Ух, пробуравливает само словечко: буррр! Бетонная каморка 2×2 м: дышать нечем, вонючие испарения... и – – БРАЧНЫЙ ЧЕРТОГ.

Стоит только земнородному осознать, что на земле он не более чем зэк, – и ограничится брачной палаткой 2×2, и вкусит блаженство страстное, какого нет на небесах...

Контрасты-то какие! Придурь строит себе трехэтажные особняки да миллионные дворцы, а нищий. Дунешь – и унесло, как листок осенний. А у старцев – брачные чертоги.

Слышь, брачные палаты у Мишуленьки-то! Ему, старику, уже лет за сто стукнет в 2013-м, а поныне сидит, сгорбившись, в бетонной камерке 2×2 спецтюрьмы города N-ска... Тюрьма четырехэтажная, страшная, стены в рытвинах, впадинах. И подойти-то боязно. А Мишуленька блаженствует в пакибытии.

Рученьки, ноженьки переломали, на дыбе растянули – ему хоть бы что. А чудеса-то какие творил! Волокут в больницу – а он встает и исцеляет безнадежных больных. На туберкулезного дыхнет – выздоравливает тотчас! Коснется рученькой – и болей как не было, головушка цела!

Из письма Михаила:

‘Братии мои, стало очень тяжело, много я излил [Духа Святого] на вселенную, на все светила и беспроstrанный небес и на воздух, и на землю. Сейчас требуют прекращения и как оставлю и сократится изливания, то сами знайте, что с миром сотворится... Не удержится ни одно царство, все будут отданы на испытания и обновления всего... Ведь небо ново во облачном славном обновлении, и кто же может быть со старой прокислой вонючей закваской остаться на земле под новым небом... ни кто, все совершится над землей...’²

Пришли в духе к нему в камеру двое (Матушка Небесная привела):

– Расскажи нам, Михайлушка...

А Михаил им таинственное:

– Если открою вам, что мне открыто, рассыплетесь в грох. Прах от вас один останется! *Время не пришло.*

² Сохранена орфография оригинала. – Ред.

(Любимая его присказка, притча богомильская: время наше еще не пришло).

– Как придет – открою вам, каков Боженька на небесах и какова церковь его из людей добрых и чистых. Столько тайн еще открою!.. Небеса – другие, боженьки – другие, люди – другие. Пастыри – новые. Батюшки, радость-то какая!

Из писем Михаила:

‘Мы нищие, но обогащаем небо и землю, мы платим сторицей от своего тела, небо утверждаем и очищаем землю, обновляем и состоит земля в обновлении, а тучи в повиновении. Мир под судом, а небо в новом наследии просвещения вселенной...

Вот и совершилось, что убогие увечные собранные с распутьев на пир брачный, они будут с Владыкой пира Вечных благ пребывать вовек, а священство, епископство, начальники Церкви ослепли и потеряли дар ведения и скрылся свет тьмой. Гордость гордых пожрала, горе гнева закрыла свет и вера их мертва.’

...Полторы тысячи христов – и у каждого по живому рукописному евангельцу в руках, им лично написанному.

*

Память листает пожухлые страницы...

Родился в Чистополе за 6 лет до революции. Отец, Василий Николаевич, из крестьян, по профессии сапожник. Жену взял из зажиточной семьи – добрую, любящую, чистую, ревностную, набожную. Сам оказался конформистом: был христианином, да в советскую власть уверовал,

от Боженки отказался. Матушка – светлая, богомилка. Мишеньку обожала. Сызмальства дышала на него добротой. Бывало, обнимет и плачет: ‘Ох, сынок, крест понесешь тяжкий! Но и благодать будет по кресту...’

Сколько перенес пыток, избиений! Сколько ставили над ним медицинских опытов! Замораживали на морозе, как Порфирия – ему хоть бы что. Оставит его надзиратель при -30 в одном исподнем и уходит пьянствовать. Возвращается – а Мишенька стоит в теплоте благодатной, столп Духа Светлосвята, и лед под ним тает...

Восемьдесят (!!!) раз умирал и воскресал, прежде чем стать бессмертным, богатырем, христом Второй Голгофы.

Вечные Соловки

Серафим Умиленный наш 39 лет сроку на Соловках отмотал. А Михайлушка и того больше. Пятьдесят лет (!) по лагерям и тюрьмам: с 1930-го (ему всего 19 годков было) до 1980-го... Да как пятьдесят? Под сотню уже векует на пакибытийном Соловке. Бессмертный! Соловки ему назначены вечные – покуда мир не переменится...

‘У-у, Иоанн, – слышу голос его откуда-то с Большой Медведицы, – пока Земля не повернет к лучшему, пока зло не будет избито – для нас, старцев, Соловки не прекращаются’.

Пурга да метель, мороз лютый...

Теплится свеча во внутреннем.

Соловки.

Господи, помилуй, Господи, прости.

Помоги нам, Боже, крест свой донести.

Я убогий странник на земном пути,
я скорблю, я плачу, Боженька, прости...

Скажут: 'Ну что это вы о скорби? Вот нью-эйдж победил скорби'. И припечатают: 'Никаких скорбей не нужно. Будда научил, как обходиться без страданий!'

Нет. Скорби скорбям рознь, полагали отцы наши соловецкие, сан-сальвадорские. Скорби блаженствами обращаются неземными. Будь *помазан* (третья ступень после совершенного), чтобы скорби пережить как радость.

При минус 50 градусов
радуйся! Радуйся!

'Нечаянная Радость' – любимая икона Михайлушки Ершова. Такую несказанную, нечаянную радость может пройти только тот, кто сто дыб пережил, сто БУРов освоил и победил.

Запредельные скорби Гулага дали более полутора тысяч великих христов и богородиц и 20 (!!!), если не больше, тысяч малых. Проходят души свое страстное и увенчиваются венцами бессмертных и божеств. Иные, к великому не призванные, терпят малое страстное и малые венцы обретают. А кому Добробоженька печать свою поставил, у того страстное великое. Великое и воздаяние, великий венец по скорбям.

*

У чад его духовных, как о Мишуленьке вспомнят, поныне слезки текут. Их тысячи. Да какие тысячи?.. Миллионы живых и усопших!

Как литургисал наш отец владыченька Михаил, тайно-епископ ИПЦ! Молился огненно вместе с Серафимом Умиленным перед Царицей Небесной, поднимаясь на десять метров над землей в ризах царских да с чашей золотенькой...

Спрóсите: отчего так, мол? Неужто нельзя было на земле служить, как все?

Оттого-то и возвышался престол на 10 м над землей, что паства была не пять и не десять человек (как в лесу под деревней чистопольской), не сто и не тысяча, а по числу эков соловецких, мучеников. Миллионы их до одного приходили к Серафимушке да Михаилу Ершову...

Возносятся над землею старцы, а как затянут литургию пакибытийную, как запоют 'псалмы' Серафимовы – у тысяч слезы на глазах...

У кого слезки потекли – мировыми становятся, и воскресает из мертвых.

Так-то служили на Соловках Серафимушка Умиленный да Михайлушка Чистопольский. Изумительное название, гиперборейское: Чистополь – 'поле чистое'. В чистом поле литургисали!

*

Сибирская глухомань на тысячи километров. Заснеженные леса да зеркальные озера, непроезжие тракты... и –
1500 евангелий гиперборейских,
женихи да невесты
в брачном шествии.

Встречались ли Серафим Умиленный с Михаилом Васильевичем лично? Оба были на ОзерЛаге, оба исходи-

ли Гулаг вдоль и поперек (Михаил ДВЕНАДЦАТЬ ЛА-
ГЕРЕЙ поменял!!!) – всю его землю, политую кровью,
освященную стонами мученическими. Вместе восхища-
лись в огненном столпе на премирных литургиях, воз-
нося Чашу Золотенькую.

Соловецкие и сан-сальвадорские отцы наши уходили
на небеса в Белую церковь и литургисали там как боже-
ства. Из Белой церкви с градуляционными жезлами сходят
сегодня. И молитвы наши – к огненной той Белой
церкви, где литургисуют уже богочеловеки, божества в
человечьем обличье.

Ах, какая благодать на Соловке стояла! Непрерывная
шла литургия полутора тысяч христов и богородиц. Ка-
кое величие! Какая радость быть гонимым от зла и зло-
деев мировых!

Потому-то наши зэки богомильские, Серафим да Ми-
хаил Ершов, не хотели покидать Гулаг и полагали Солов-
ки раем земным.

*

Федор Михайлович

Отец его за веру чуть ли не проклял. Подростком ушел
Мишенька жить к дяде Федору Михайловичу.

Так-то! Помимо Достоевского, еще другой существо-
вал – чистопольский Федор Михайлович: богомил, оли-
цетворенная любовь!

Богомилов в те времена в Сибири да в Татарии назы-
вали *беседниками*. Беседники – Боженьке собеседники.
Многие видели воочию, как они беседуют с Отцом не-
бесным, Христом, Богородицей... Странники и таинники.

Хаживали по деревням, людей исцеляли, благовествовали. Любимым их занятием было беседы устраивать. И радость-то какая была собеседовать с ними, стать собеседником беседника, сотаинником таинника!..

Добрый дядюшка растит мальчика в чистоте, доброте и любви. Мишенька полон света. Обожает рассказы о странниках-каликах, беседниках да таинниках.

Общее было между беседниками того времени – отрицали советскую власть. В колхоз не вступали, на работу не ходили, слыли единоличниками. А значит – ‘опасные преступники’, боженьки в человечесьем обличи...

Года три-четыре миновало. Однажды за молитвой видит Федор Михайлович трех ангелов, окруживших Мишеньку. Как боевая скиния, ангелы стоят над мальчиком. Говорит Федор Михайлович:

– Слышь, Миша, сходи-ка к юродивому – сидит коло храма, Сашка ‘подайте-копеечку’. Наведайся, послушай, что скажет.

Юродивый был безголосый. Больше мычал, говорил скорее глазами. А как увидел отрока пятнадцатилетнего – вдруг отверзлись у него уста:

– Да это Михаил! Кланяйтесь ему, люди! Спаситель пришел. Христу нашему слава!

Скособоченный, полупарализованный встал и принялся возвещать, как ангел!

Народ обомлел. Юродивый-то, хоть двух слов связать не мог, прорицателем слыл. Верили в его предсказания, сбывались одно к одному.

Бросилась толпа в ноги Мишеньке. Тот – бежать...

Платонушка

Отослал его Сашка-юродивый к старцу Платону.

Платон Васильевич Васильев, Платонушка – богомильский белец – был Михаилу вторым наставником после дяденьки Федор Михайловича. Первым учителем в богомизме. Первым таинником.

Когда Мишенька пришел, Платон потрясенный встал и заговорил духом святым:

– Я больше 20 лет ждал этой встречи! Не мог помереть, пока долг не исполню. Ждал с часу на час, знал – первый его увижу, тогда и помру...

И поклонился в землю. Миша ему:

– Как же так? Я к тебе за наставлением пришел, а ты мне в ноги бросаешься.

Платон точно не слышит:

– Совершилось!!! – трижды повторил. – Наконец-то! Мариша³, накрывай на стол: пасха великая сегодня! Михаил к нам пожаловал, Михайлушка, спаситель наш. Уж я его ждал, вымаливал! Двадцать лет о нем по премирному эфиру возвещал. И дождался наконец, вот он –

в Огненной Иерархии богинь и богов
отрок Михайлушка – христос христов!

Миша смутился:

– Да полноте, старче! Вы наставник и учитель, а я кто? Простой, недостойный. Пришел у вас наставиться... За чем мне в ноги-то кланяетесь?

³ Келейница Платона Васильевича. – Авт.

- Не дури, – отвечает Платонушка. – Сам знаешь!
Чуть не в пляс от радости бросается, ручки воздевает
кверху и пророчествует:
– Ты выше нас взял, и тебе дано на то укрепление свыше.

Планка-то у тебя превышенебесная!
И она же крестная.

Слышишь, Миша? Ничего не бойся:

ни смерти, ни врагов,
ни угроз, ни каторги, ни кандалов –

и прославлен будешь от Отца нашего как великий ста-
рец богомильский!

Много тайн имею я открыть тебе. Но важнейшая из
них, сумма всех тайн вот в чем:

никому ни за что злом не воздавай.

Только одно помни: кто бы ни был враг, сколько бы
зла ни чинили – не отвечай злом на зло! Люби, терпи до
смерти, и победишь смертушку. Даже если смер-
тельные муки будут тебе творить – все скорби вынесешь
и победителем выйдешь.

У тебя каждый шаг предписан. Все свершится как за-
думано Батюшкой нашим да Матушкой Небесной, честь
и слава им вовеки в наших гиперборейских куцах!!!

Посмотри, Миша, какая слава на небесах! Сам Отчень-
ка пришел на нашу встречу...

Великое то было наставление! ‘Побеждай страх лю-
бовью. Ничего не бойся’ – и сквозило между словами:
‘**ЛЮБОВЬ НЕБЕСНУЮ ПОЗНАЙ**’. Как солнце духовное да
воссияет внутренняя твоя! Тогда страх исчезнет, и зло

убоится даже приблизиться – ляжет у стоп твоих, как дракон покорно лег у стоп Жены Облеченной в Солнце небесной любви, пришедшей от Солнца Миннэ в Зените.

А чтобы не воздавать никому злом, надо возненавидеть и исторгнуть всякое зло изнутри себя, и великой любовью к Боженьке и людям исполниться!

Завершил Платонушка пророчество свое словами: ‘У тебя особый путь’ – и тут же в пляс пустился, пританцовывал аж от благодати великой мученической.

– Непроторенной пойдешь дорожкой
один-одинешенек
в пургу да метель
с сумой за спиной,
а с тобой Добробоженька,
друженька-собеседничек,
а за вами – полчеловечества!!!

Вишь, чело благодатью отмечено?

Нам и делать тут больше нечего!

Наставления старца Платона

Стал Мишенька житьствовать со старцем Платоном в доме его на краю деревни. Когда оба предавались молитве восхищенной, скит Платонов становился невидим для посторонних. Не было туда входа чужим.

Михаил времени зря не терял,
печати духостяжания перенимал.

Платон – великий старец, равный Серафиму Саровскому – *единственный* до Евфросиньюшки учил о стяжании святого духа как цели пути. Говорил:

– Стяжай Духа Светлобожия, и станешь божеством.

Если потерять цель – духостяжание – тотчас начнут атаковать тысячи бесов. Мамона, узурпация, похоть, зло? Только по одной причине: *не знают цели пути*. Если бы стяжали люди Духа Святого, выбросили бы всю мамону к эдакой матери! На хрена она, простите?

– Два условия стяжания духа запечатали на челе и в сердце: огонь духовный и ревность непомерная! Дух Светлосвят – огонь. Не любит теплохладных. Любит огненных, ревностных, упорных до последнего. А даров у него столько! И добр так, что желает щедро одарить человека. Нет никого, детка, богаче Духа Светлосвята на небесах и на земле. Дух Светлосвят – истинный царь, и миллионы устремятся за ним, когда время наше придет.

Так наставлял старец Платон молодого Мишеньку Ершова, предвидя его пятидесятилетнее заключение в Гулаге.

– По скорбям – обожение.

‘Не бойся ничего’ означало: не избегай и скорбей, по ним воздаяние придет. Ищешь благодати? Не бойся и в брани пребыть. Скорби неси, гонения от злых, несправедливости – благодатью вдесятеро воздастся.

В этой стране подлецов, стукачей и запредельного зла... излилось столько зашкаливающего добра!!! Искупительная благодать Второй Голгофы Соловецкой, полутора тысяч христов великих да малых – великое излияние духа святого и старческого.

– Цель земного пути, – продолжал Платонушка, – победить зло и грех. Стать чистым, добрым и бессмертным.

И присказку богомильскую прибавлял:

Невозможное-то возможно
под водительством Добробоженьки Божия!

Такие байки тысячами выдавал.

...Мишуденька под наставничеством старца Платона Васильевича духа святого стяжал уже через полгода послушания.

Как учили христы да богородицы XX века

Дальше житие Мишеньки Ершова точно списано с Евфросиньюшкина.

Под началом Добробоженьки Бога Свароженьки молебствовал да сапожничал⁴.

Денег за работу не брал. За молитву – тоже. Кого вымолит, еще и благодарит и последнее отдаст. Что ни делал, одним мотивом руководствовался: любовью и бескорыстием. При этом ни в чем не нуждался. Люди готовы были его озолотить.

Хоть и два класса образования имел Михайлушка, а стихи слагал и иконы писал, рисунки делал удивительные, глубокие. Изобразил, например, 'Дерево доброты' с двенадцатью ветвями.

Странствовал, духом святым возвещал на площадях. Начинал проповедь как Евфросиния:

– Лю-у-уди! – будто в премирный эфир глас пророческий проникал. – Бросайте мирские дела! Время пришло!

Уходите в скиты,
спасайтесь от зла и суеты.
Не возьмет вас советская власть.
Ничего не сможет украсть.

⁴ Сапожническое ремесло освоил с детства. – Авт.

Так учили христы да богородицы XX века.

Благовестнику и двадцати-то годков не было, а паства собиралась огромная. Внимали Михайлушке охотно, тысячи шли за ним. Говорили:

наш Михаил – добробоженька-христенька,
добрый да чистенький.

А благодать-то стояла густая! А чудеса-то творились! Люди обращались толпами и на глазах преображались. Открывались сердца, солнце духовное в них возжигалось. Простые смертные исполнялись духом святым, начинали пророчествовать...

Еще любил Мишенька омывать на источниках. Были ему открыты родники таинственные, древнейшие, гиперборейские. Говорил:

– Вода несет то, что люди забыли – память великую.

Вода, она послушная,
как девушка замужняя.

Очередная притча богомильская! Имелось в виду: что́ ей скажешь, то и воспринимает тотчас. Предания старины надо бы из воды читать, а не из книг каких. Вода содержит энергетически, вибрационно благодать древнюю. То, чего за тысячу лет не достигнешь катарсисом да узким путем, достигается одним омовением, если омоет тебя помазанник.

‘Без святых источников, браток, нельзя!
Подвизаешься зря’, –

говорил Мишенька, омывая людей.

На источниках молился к *Нечаянной Радости* и к *Неизреченной Радости*...

Не знаю образа прекрасней. Вчитаемся в них, отступим ненадолго.

‘Нечаянная’ означает *внезапно пришедшая*, как бы из тьмы. Сколько раз я встречал нечаянную радость после темной ночи, la posche oscura! Мрак шеола, слезы отступления... – и внезапно нечаянная, неожиданная радость!! Нечаянная, беспечальная и неизреченная, т.е. превосходящая все возможные земные и даже небесные блаженства...

Черные врата

Вскоре узнал Мишенька, что дядюшку его Федора Михайловича и отца духовного, старца Платона, забрали в острог. Возмутился, поспешил на помощь. Бесстрашно (никто так не смел!) приблизился к чистопольской тюрьме – трехэтажному страшноватому зданию с подвальныеми камерами пыток. Один к одному ‘гастроном’ соловецкий. Сколько стонов там предсмертных раздавалось? Нечислено...

Подошел Михаил. Видит, очередь огромная у железных ворот. Черные врата со скрипом открываются, и выводят толпу заключенных. Михаил, духом святым исполненный, бросает конвоирам:

– За что вы их?! За то, что Боженьку славят, Отца нашего ненаглядного?! Да за него... Слушай, если бы ты познал его да увидел... Не одну, а тысячу жизней положить не жаль! Вот такой Боженька наш, добрый Отец!

Начальник конвоя насторожился:
– А ты кто таков?
Рассвирепел, да и толкнул Мишеньку в толпу зэков...

Так и угодил Мишенька в Гулаг. Чуть только сказал, что жизнь не жаль отдать за такого Боженьку доброго – и тут же отдал, да не одну, а всю тысячу. И Боженька наш предобрый за него положил – не одну, тысячу жизней...

С нашими отцами-старцами на 50 лет остался Михайлушка Ершов. И поныне с ними! А толпа, что стояла у здания чистопольской тюрьмы, растет год от года...

Отец

Отец Мишеньки Василий был человек слабохарактерный. Советская власть его сломала. Понимал, что пути ему нет (разве что в острог, если восставать) и смирился.

Когда Мишу в первый раз посадили на два месяца за богомильскую веру, он восстал:

– У тебя и паспорта нет, а ты все о вере! Фанатик.

Михаил отцу:

– Ты прости меня, батя.

Богомил я, а не религиозный фанатик!

– Молчал бы! – зло отвечает ему отец.

– Никогда не брошу, не оставлю веры отчей!

Поругались Василий с Михаилом. Прогнал отец сына из дома.

(Старший Ершов к тому времени стал председателем сельсовета в Мамы́ково Чистопольского уезда Казанской губернии, где родился Михаил. Чудесное название: Мамы́ково – ‘Мама кого?’ Чья мать Божия Матерь?)

Мишенька молился об отце своем. Боялся за него. Примечено было: кто Михаила обидит, с тем беда случится. Например, чадо его бывшее Елена предала, на допросе свидетельствовала против. Ее усовещали: 'что ж ты делаешь?' – а она отмахивалась. Опять донесла. Пришла окаянная домой... и упала замертво.

Умолял Мишенька Божию Матерь, чтоб простила отца: пусть даст хоть физические скорби, лишь бы только жив остался и без греха...

Вернувшись из заключения, узнал: в тот день, когда он молился об отце, тот... ослеп. Его выгнали из сельсовета, не приняли в партию и зачислили в инвалиды.

И тут – о чудо! – слепой, никому не нужный, приговоренный, брошенный отец исцеляется, когда Мишенька приходит домой! Великая любовь к сыну дается чудесно прозревшему. Умиленные слезы текут у обоих...

Впоследствии отец стал Михаилу ближайшим другом, поддерживал его во всем. И когда по слабыхарактерности опять было заколебался, Матерь Божия (свидетельствовал Михаил в одном из писем) явилась Василию во сне: 'Отпусти его. Он Мой. Я Мать его и позабочусь о нем'.

Трогательно расстались в мире и богомильской любви. Михаил со слезами: 'Не встретимся больше, батенька, не встретимся'. Понимал, что отец вскоре оставит землю – уйдет на небеса богомильские...

*

Суд над красной властью

В 1931-м Миша покинул дом и отправился странничать. Хотелось ему проведать дядюшку Федора Михайловича и

старца Платонушку, в узах томившихся. Вопреки запрету властей пришел с передачей к тюрьме. Смотрит: открылись врата, идет группа заключенных. Среди них молодой мужчина лет тридцати двух. Лицо озаренное духом. Что-то говорит. Конвоиры бьют его прикладами по устам и по спине. А тот преосеняется и благовествует им...

Внезапно глаза их встретились: того проповедника и Михаила. И сказал Михаилу в духе безвестный мученик:
– Христос сидел в тюрьме синедриона – и сейчас сидит!
Христос сидел, и нам велел.

И отверзлись уста у Михаила! Стал говорить от лица Великой церкви любви и Второй Голгофы, духом святым пророчествовать. Голос его гремел:

– Доколе антихристова власть зла будет мучить людей добрых? Придут сыны божии, и красная власть потерпит поражение от них и будет судима!!

Первым произносит суд над красной властью... 19-летний отрок! Не его потом сталинские 'тройки' будут судить своим проклятым судом, осуждая на 'четвертак' да на 'червонец', а он их!

...Арестовали Михаила тут же, не сходя с места. Лишь звучало в ушах его универсальное для мученика: 'Ничего не бойся. Ты храним', – голосом старца Платонушки.

Не случайно *'антихристовы власти'*.

Михаил, как и многие богомилы, был беспаспортник, что родило его с матушкой Евфросинией. Красный паспорт, верили, – печать антихриста. Богомилы говорили:

у Христа распятого
не было красного паспорта.

А каково в совдепии паспорта не иметь! Крест тяжелейший. Ты не человек без документов. Хоть не дыши. Имя и отчество не удостоверишь, разве только поверят на слово. Перевод по почте получить нельзя, письмо нельзя. Даже если голову тебе отрубят – ничего не будет преступнику...

Из автобиографии Михаила:

‘Я не какой-нибудь организатор или же шпион, но христианский сын, охрана всей земли и защита даром Господним, а не диверсант какой-нибудь, но сын Церкви Христовой мученической. Люблю всех и всем желаю здоровья душевного, люблю всех. Я сын православного русского народа, неизменный сын правды христовой...

Как видишь человек страдает от болезней, ничего ему не скажешь, подойдешь, коснешься его, он после поправится. Люди замечали, а некоторые нет, а таких много, много. Я перенес много разных гонений незаслуженных от самих заключенных. Воровали у меня пайку хлеба, ведь в лагере это жизнь, но я даже и начальству не заявлял, все сносил. К начальству на меня ложно доносили, я не оправдывался, работал сколько мог своей силой...

Много я грешный, именем и милостью Господней делал людям добро, и ничего не жалел для людей. А мне все только узы, да узы... За что?’

‘Матушка София’

Девятнадцатилетним (!) попал Мишенька в лагеря, и просидел без перерыва 12 лет: с 1931-го по 1943-й. Осво-

see 'Carpenter'

бодили, да не на свободу выпустили – на фронт. Война в разгаре. Понятно, смертник – из тюрьмы сразу на передовую, под пули.

Мишенька подумал: ‘Нет, шалишь, не пойдет. Я и без того служу, да служба у меня другая. Молитвой вымолю спасение России!’

Вел его и трех других призывников один конвоир. Миша взял... да и стал невидимым. Исчез с глаз, и всё тут. Поминай как звали!

Вернулся Михаил к своей пастве в деревню Елантово. Катакомбничал, юродствовал: ходил в женской одежде, в платочке сером. Просил называть ‘матушкой Софией’, чтоб никто не приметил да не выдал властям. Матушка София – Премудрость Божия...

Чудеса творились! Где назначат домовую службу – за сутки по всему дому начинается благоухание. Воздухи, шкафы, скамейки, люди, иконки, алтари, лампадки – все благоухает! Домочадцы поют, пританцовывая:

Радость-то какая!
Мишенька идет!
Радость нам несет!

Из автобиографии Михаила:

‘В дому, у кого я находился все время мир, благоухания духовного, таких на земле нет благоуханий. Даже другой раз как станем на молитву, и даже дымок синевато-голубоватого цвета найдет полный дом. Люди удивлялись, что нигде того не было, и в любой дом я грешный заходил, происходило так. Я пишу, не лгу ничего, истинно и точно. Даже не описываю всех чудес. Народ постепенно,

верующие узнавали, я не велел сказывать, но разве утишься, слухом земля полнится.

Я пишу это только тысячную частицу, пишу не лгу. Я малограмотный человек, пострадавший очень много, ни с кого ничего не взыскиваю. Многие люди излечивались от других болезней, но я не велел обо мне говорить много.'

Вначале служили по 10-20 человек в двух километрах от деревни. Потом сшили шатер, скинию походную на 80 молящихся.

Паства Михаила обожала. Соловецких литургий и блаженств великих сподоблялась. Неизреченной радостью наполнялись люди. Разве не ищет человек счастья и радости? Вот она, наивысшая радость – неизреченная, какой на земле нет! Но надо принять крест в трех кругах, в трех золотеньких орбитах.

Запаслись продуктами. Решили вообще не покидать лес. Как в раю жили день ото дня. Мужчины окружали скит, сторожили, чтобы никто не приблизился, а детишки с матерями и старицами восхищались на молитве...

Из автобиографии Михаила:

'Где мы молились на горе небольшие кусточки и всегда километра 4-5 не дойдешь, как уже миром благоуханным все охватывает и всегда благоухание духовного мира. Бесноватые там, Боже упаси, не могли ничего никак, даже ногой не могли вступить, и всякого человека мирро охватывало духовное несловесное, а во всем действии радость и мир. На праздник Троицу собирались, были люди и много.

Я не возвышал себя, сама жизнь и благодать Божия

свидетельствовала при всем народе. Одна бесноватая, когда я говорил молитву, она слепая, то она так вскричала таким голосом: 'Свет! Свет! Все зажигает на земле от востока до Запада' и не могла вынести молитвы, но я ни одному человеку о себе ничего не сказал. Я говорил то, что Господь давал мне.'

Так длилось семь месяцев до ноября 1943 года. Предал михайловцев стукач-доносчик. Напали НКВД-шники, окружили скит лесной. Люди бежать кто куда, а по ним стрелять стали...

Расскажу про одну 15-летнюю мученицу, набожную деву. Грушенька, Груня ее звали. Подстрелили ее – разрывная пуля попала в живот, кишки выпали наружу. Бедняжка кричала: 'Добейте меня!' – а солдаты ее пытали: мол, выдай нам, кто тут с Михаилом путался?

Ни одного не назвала Груня, несмотря на страшные муки. Через час после того как 'скорая' пришла, успокоилась на брачном одре. Лик ее просиял, как у блаженной невестушки!

Грушенька,
ах ты Грушенька,
ты канты наши послушай-ка.
Призвал тебя, Грушенька-доченька,
наш Добробоженька Отченька, –

причитали богомилы над юной девой, богородицей-мученицей...

Срок михайловцам дали безжалостный: 25 лет. А вскоре глядь – новые появились! Стало михайловцев видимо-

невидимо. Толпы последователей объявились у Мишеньки, уже ушедшего в Гулаг.

Верные говорили: 'Михаил - столп Духа. Сам Дух Светлосвят к нам пожаловал!'

Из автобиографии Михаила:

'Я фактически от человека и от руки человеческой не принимал рукоположения или же постриг в монашество. Со мной только милость Бога живого и его дар силы. Конечно, я храню милость его, ибо выше всякого богатства тленности. Но я только молюсь Богу за всех и не взыскиваю ни с кого, ни с начальства, ни с народа, ибо я пошел только для спасения души.

А что Господь дал мне дар это, я говорю прямо. Когда приходилось молиться даже лицо пламенем поаляет, вот так. Да, я с таким даром боялся ко всем священникам подходить, боялся кабы не прегрешить и не потерять дара. В монастырях я не был, как вот другие жили, и обряд надо мной не совершали, монастырский и монашеский не совершали. Господь Сам на меня положил свою тайну пребывания Духа и Истины.'

Показательный суд

После ареста Михаила устроили над ним показательный суд. В деревенском клубе три стола накрыли зеленым сукном. Народу набралось видимо-невидимо. Кто-то просто поглазеть пришел, как водится.

Шум стоит страшный. Люди думают:

что же будет?
ХРИСТА НАШЕГО СУДЯТ!
Синедрион!!!

Свидетели, как один, все против старца. Предала его даже сестра старшая (в горьком партии работала):

‘Заклеймить врага народа!
И в семье – не без уroda!..’

Долго длилось заседание, несколько часов. Михаил молчал. В заключение, как положено на суде, дали обвиняемому последнее слово...

Водворилась тишина. Старец встает спокойно, возносит руки ладонями кверху и как атлант по-геркулесовски внезапно:

– Я земной шар держу своими руками! –
раздалось громоподобно в деревенском клубе.

Точно крыша и потолок разверзлись, и сам Отец небесный сказал это! В руках Михаила градуляционный жезл.

Публика в смех:

– Ха-ха, земной шар он держит!
Михаил выждал смиренно и дальше:
– Хочу – наклоню вправо.

И что бы вы думали? Все судьи наклонились вправо послушно, как марионетки.

– А хочю, – опять гремит голос Михаила, – наклоню землю влево!

И судьи автоматически влево наклонились.

– А захочю – дуну.

Судьи лбами стали стучаться об стол... Точно буря пронеслась в душном зале деревенского клуба!

Тут прокурор пришел в себя:

– Прекратите, подсудимый! Прекратите хулиганить!

Михаил ему бросает:

– Еще не такое сотворю, но время мое не пришло. Ваше время сегодня. Наше – завтра!

‘Время мое не пришло’ означает: мог бы творить чудес в тысячу раз больше. Освободился бы из-под суда. Потолок отверз бы над деревенским клубом, и вознесся...

Рано.

Время скорбей.

Судьи, очнувшись, впали в лютую злобу. Такого с ними не происходило никогда. ‘Это самый опасный преступник для советской власти! – пронеслось между ними. – Сам дьявол!’

Михаила приговорили было к смертной казни (обычный приговор по тем временам)... Но кому-то в голову пришло, что надо сгноить его заживо. Решили заменить расстрел 25-летним заключением, а потом еще прибавить, да чтобы не вышел – смотреть за ним в три глаза.

Только Михаил – как Христос. Христос не умер на Голгофе и не воскрес, а *ушел таинственно*. И Михаил не умер!

Вроде бы тело его видели в 1974 году, вынутое из могилы, с лицом, сожженным известью... Чушь! Из мордовских лагерей писал младшей сестре: ‘Не верьте ничему, что вам официально обо мне сообщат’. А сестра-то его, Надежда Васильевна Ершова, до самой своей кончины в 2004-м утверждала: ‘Жив Михаил!’

В сводках НКВД числился он как ‘особо опасный’. Так

и написали в досье. Вестимо, христос для них опаснее любого уголовного. Почему? – *Чудотворец!*

Пуля его не берет, мороз не морозит,
Божия Матерь ему подает все, чего ни попросит.

Для князя мира сего Христос особо опасный преступник, и Богоматерь – особо опасная преступница...

Из автобиографии Михаила:

‘Я же не жил на воле, только стал отбывать срок и вот тебе, еще сколько. Боже упаси, вся жизнь моя в муках тяжких, о Боже, народ всячески болтает, каждый свое суждение, а мне тягость. А как их коснется, так бегут и от себя отваливают... На суде свидетели отказывались от своих слов. Все перепутали, дали мне меру пресечения очень тяжелую – 25 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах, ну и что же будет? Мне всего отроду 47 лет, я уже из них отбыл 24 года, да и еще 25 лет. Боже упаси, да разве можно столько отбыть сроку, не живя на свете? Я же сын Православный, христианин, русский человек, плохого никому не желаю, только любви и мира, и молюсь за всех всегда.’

В заключении

Не надо питать иллюзий: тяжело пришлось Михаилу. То ‘утку’ подсадят, то урку подошлют, чтоб зарезал под шумок, то провокацию учинят... Например, на ‘воронке’ (машина-автозак) привезут в казанский ресторан, избьют, будто пьет водку (караульный рядом рюмку подсовывает), да и сфотографируют. А после снимок пастве подбросят: ‘Вишь, с собутельником распивает, старый алкоголик! А вы его за святого принимаете’...

Один к одному поступали как со старцем Григорием Распутиным, матушкой Евфросинией и вашим покорным слугой.

Из автобиографии Михаила:

‘Был между всякого народа, сам себя хранил от всякого преступления, воспитывал себя, дар хранил в себе, нравственность и веру, и вежливость, и справедливость сохранял, и поступал в жизни с каждым человеком до полной совести и любви.

Я отдавал для человека то, что мог, все. Я почестей не признавал или же похвалы. Мне похвала Господь и доброе дело, которое я должен в жизни делать для человека в пример. Спать приходилось мало... Я работал день и ночь до часов 12 ночи, а потом нужно и помолиться Богу. Просил Господа, чтобы сохранил Господь народ и за всех молился и Божия милость родила и на землю для добра друг ко другу. Любил и тех, кто обижал, и тех, кто хорошо относился, всех. Дар мне данный Господом, я между народом в тяжелых условиях не потерял, но наоборот созрел во всех отношениях и в своей силе духовной и глубже. А сколько мне пришлось перенести всякой скорби и обиды, Боже упаси.’

Однажды подошел конвоир и вылил ему грязную парашу на голову. А владыка наш отряхнулся спокойно и продолжал молиться. Более того – облагодухался!

А доброта какая! Знали ээки: добрее Михаила нет. Отдавал последнее, и просить не надо было. Сам придет к нуждающемуся, последнюю рубашку отдаст, последнюю пайку хлеба...

Питался Мишенька от духа святого. Учил, что Дух Свет-

досвят – кормитель наш и утешитель. Трапезничал раз в сутки. Ничего нечистого не брал. Воду пил им же освященную. Говорил: ‘Вода становится мирровой, если молитвенник праведный’.

Зэки видели, как иногда ангелы приносили ему пищу, когда отвергал тюремную баланду.

Однажды специально этапировали его на Камчатку. Камчатский лагерь славился зверствами. Сплошные убийства, грабежи, поножовщина. Уже вохра не могла справиться...

Михаил написал особый тропарь к Божией Матери. Обошел с молитвой все бараки – лагерь утих, буйство и беспредел прекратились.

А муки какие претерпел! Наверное, всем возможным пыткам его предавали. Все испробовали на нем: и дыбой растягивали, и поджаривали, и расчленили, и под пресс ставили. Избивали до полусмерти десятки раз ногами, руками, плясали по нему... Другой бы четырежды ума лишился и умер. А о Мишеньке сложилась репутация бессмертного – убить не могли, сколько ни пытались.

Соловки рождают бессмертных.

Так и о Порфирии, и об Иннокентии Балтском известно (ходил с сердцем, штыком продырявленным). Непобедимые христы Второй Голгофы: порфирии, иннокентии, михаилы, серафимы, белибасты... Много их дала Белая церковь. Честь им и слава!

Матушка моя,
Радость Неизреченная,

пособи в крестах и долях,
в брачных прими покаях
братушек и сестричек,
боженек в человечьем обличии.

Так молился Михаил, и Богоматерь Соловецкая слышала живую его молитву.

Радость Неизреченная – не только Божия Матерь. Радостью неизреченной исполнялись михайловцы, которые шли за ним. Иные даже и не видели отца-то своего – сидел в БУРе, буравил дырку в бараке усиленного режима... а учеников прибавлялось!

В духе к ним являлся. Пакибытийствовал в блокациях.

‘В заключении быть – преимущество’, – учил Михаил. Заточили, и слава Богу! Молись и восхищайся. Небо открыто в бетонном бункере 2×2.

Смысл затвора (в т.ч. тюремного), согласно богомилам, – приобщение к Белой церкви. Камера полагалась способом уйти от мира. Преимущество юродивых! Тюрьма не наказание, а способ обрести блаженство, какого нет в миру.

В миру и храмы, и батюшки, и молитвенники, а благодати нет, небо запечатано. А здесь дышать нечем, злование, смертью пахнет... а небо открыто!

Часто говорил: ‘Божия Матерь не попустит гибели нашего отечества’. Михайловцы считают: в 1943-м он и семь его сомолитвенников в духе были перенесены под Сталинград и вымолили победу в сталинградской битве.

Суд над Сталиным

Я повествовал вам, как победила Сталина Мария Вениаминовна Юдина, исполнив адажио из 23-го фортепианного концерта Моцарта. А теперь послушайте богомильскую версию о том, как победил Сталина христос соловецкий, Михаил Васильевич Ершов.

Версию эту упорно распространяют михайловцы. Ее знают по всей Татарии сегодня...

Сталин заинтересовался чудотворцем. Шутка ли – даже в Америке о нем прослышали! Убить, мол, этого старца невозможно, исцеляет, мертвых оживляет. Льдины под ним тают, как под Серафимом. На 50 метров ныряет при -50, утопленников вытаскивает, воскрешает...

Сталин задумался (известно, себе на уме был). На дворе 1953-й год. Паранойя у тирана зашкаливает. Панически боится покушения (не зря боится! Берия уже готов его отравить только из-за того, что если 'хозяин' проживет еще – неминуемо уничтожит самого Берия вместе со всем политбюро). Решил пригласить Михаила в свою резиденцию, на кунцевскую дачу.

Глядишь – исцелит. Глядишь, покроет его да оправдает...

Долго везли Мишеньку в наручниках к верховному злодею. Готовился Мишенька к встрече.

Сняли наручники, привели в кабинет. Увидел Михаил генералиссимуса метр пятьдесят ростом в маршальском кителе... и стал обличать его духом святым:

– Ты что издеваешься над людьми? Скольких, упырь, погубил? Я *каждого* из них в загробный удел препрово-

ЕРУСЛОВ
МБ

ждал! *Каждый* тебе предъявляет счета! Миллионы невинных жертв на твоей совести, душегуб! Ты не правитель, а преступник, каких свет не видывал! И суждено тебе адское дно на миллионы лет по числу замученных тобой – пока не вымолишь прощения!!!

– Кайся! – гремело на кунцевской даче. – Сейчас же на колени! Не имеешь никакой силы! Не имеешь никакой власти! – приговаривал Михаил старческую молитву. И Сталин на глазах лишался колдовской власти. Сила наворованная уходила...

– Ты правитель российский. Тебе народ вверен Богом. А ты губишь миллионы, кровь невинную льешь направо и налево! Думаешь, нет на тебя суда? Дрожи, злодей! Суд грянет над тобой, и над прихвостнями твоими, и над церковью, тобою созданной! С тобою удел разделят!!!

Сталин на краткий миг пришел в себя и исполнился лютой злобы. (Привык считать себя помазанником, которому сергианская церковь любые грехи отпустит). Выхватил пистолет, хотел было нажать на курок... да вдруг задрожал, упал без сил, парализованный. Успел только пролепетать 'убь...', а 'ю' не договорил. Хватила его кондрашка. Через неделю, под музыку Моцарта с той самой пластинки Марии Вениаминовны Юдиной, очоурился в своем кабинете...

Так старец Михаил Ершов победил мирового злодея.

Из писем Михаила:

'Да скажу, братии, верно, твердо, славно навечно слово, что суд у меня в устах дано мне, милость тоже дана

мне, мщение через слово дано мне, власть неба и земли, истина во мне и со мной правда, со мной и путь праведный, со мной и во мне правда Животворящая, свет во мне воссиял, лице всегда просвещено, а когда на молитве, то свет все закрывает, все просвещает, искры, исходящие из уст и вокруг пламенны наполняют воздух и землю и всю вселенную, тело совершается и совершилось полно, мир, всегда пребывающий в полном духовном мире и изливания горя миру от соблазнов, соблазняющихся от дел простых и от времени и от уклонений и от современной утопающей культуры, стены золотозарных рисунков не воскресят душу в вечную жизнь, если храм пуст, так пишется: се оставляю дом ваш пуст и живой да не будет в нем и достоинство да примет иной...

Блаженны не видевшие и поверившие, придут и наследуют вечную жизнь.

Блаженны хранящие семь Слов Второго Славного Пришествия, восьмое же Слово он получит: 'Войди в радость Господина Своего'.

Зло считало себя непобедимым. Царило, судило... И вот прозвучал над ним самим суд в лице великого помазанника соловецкого!

Сам Сталин на погибель себе пригласил его в свой кабинет. А с Михаилом пришла сила Небесной Церкви, двухсот миллионов христов ее и мучеников, – и вынесла ему свой приговор.

Истинная ли это версия? ДА, сто из ста!!!

'Я живой, и зло переживу'

В 1974 году ближним его приходит бумага: 'Заключен-

ный Ершов М.В. умер'. Предъявляли и тело – выкопанные из могилки мощи, лицо сожжено известью, не опознать... Родственники и чада приуныли было: 'Где-то батюшка наш Михайлушка? Как нам без него?..' Но самые близкие не поверили. Знали: Михаил жив, ждали его.

В 1980 году двенадцатилетней девочке Александре (дочке одной из любимых учениц Михаила) явилась Божия Матерь. Заглянула через плечо:

– Уроки делаешь?

– Да.

– Пойдем. Я тебе другой урок преподнесу.

– Какой?

– Не школьный – высокий. Пойдем. Сходи за отроком Вадимом⁵ и пойдите за мной.

– А куда?

– К владыке Михаилу. Сама вас поведет. Вначале – на трамвай, потом укажу остановку.

Александра пошла за Божией Матерью. По пути заглянула к Вадиму, вдвоем сели в вагон. Едут по городу, а впереди – Матушка Небесная.

Внезапно трамвай остановился. Пустыня. Кругом метель и мороз -30...

Провела детей Божия Матерь с полкилометра от последней остановки – четырехэтажное здание для особо опасных преступников. Расступились, пропуская их, одна за другой семь дверей с вохрой. И что же видят? – Михаил Васильевич!

⁵ Вадим – тайный михайловец, сын секретаря чистопольского горкома партии. – Авт.

Сидит старец, как царь-летописец, в подземной бетонной камере 2×2, в тюремной катакомбе...

Александра с Вадимом при виде его заплакали:

– Старче, ты жив!

– Не плачьте, дети. Я живой, и зло переживу. Победим! Ничто меня здесь не держит, ни стены, ни двери. Как вас Матушка Небесная привела сюда чудодейственно, так и меня могла бы вывести. Но время мое еще не пришло!

Дух Светлосвят с легкостью проводит сквозь стены, как вывел Христа из синедрионского подвала в доме первосвященника Кайафы.

– Скажите всем чадам моим: я жив и не умру.

Оставили подземную келью Александра и Вадим. Опять пропустила их охрана, Божия Матерь усадила на обратный трамвай и распрощалась с ними...

То-то радость для всех чад Михайлушкиных! Жив батюшка-то наш! Ему – уже посчитали – семьдесят годков от роду!

И вспомнили слова его:

– Пока мир не очистится от зла, я буду в заключении.

Небесная церковь в затворе

Из писем Михаила:

‘Не бойтесь, братия и сестры, клеветы, она разрушится. Не бойтесь, братии, насмешек, она посрамится.

Не бойтесь, братии и сестры, надутых пустословий, тьмы нынешнего века, она исчезнет как сон. Ибо весь мир, как сплетни надутые, разрушатся, ибо они свое на-

чало положили на лжи и на клевете и на обмане и на невинной крови и на пустых обманных замыслах. Не быть им на земле. Ад разрушится, бездна закроется, преисподней дно, оковы рухнут как пепел, цепи разорвутся, падет все на земли, всякая тьма и коварство. Ибо на землю пришло вечное Царство Христа Бога нашего, с Вечной жизнью, Вечной Славой, с вечной истиной Христа Бога нашего, с Вечной правдой, с Вечной Денницей Ока, со Звездой Утренней, Вечный Свет Троицы Святой, Свет Огнеопальный, Огнезрачный на земле и на воздухе, и на ветре, и на солнце, и на луне, и на звездах, и на всех светилах.'

...Небесная церковь в затворе, в бетонной камере 2×2.

Миллионы христов вместились в камере-одиночке N-ской тюрьмы для особо опасных преступников, пока земля не очистится от зла...

Преподобный отец наш, Михаил Васильевич Ершов, Мишуленька милый, время ваше пришло! Проходи сквозь стены, отверзай двери и окна! Пропустит тебя вохра, не посмеет препятствовать.

Время святых исполнилось!!! Полторы тысячи христов (слышите? – не один, а полторы тысячи!) придут в мир – и не судить, а спасти от зла, похоти и всяческой скверны! Благодатью Второй Голгофы и ее 200 млн искупленных от зла насадить цивилизацию людей добрых и чистых!

Ликуйте, соловецкие старцы и старицы, гиперборейские бельцы и белицы! Пойте уже не скорбные 'псалмы', а радостные канты богомильские, и пританцовывайте, памятуя неизреченную радость от Пресвятой Богородицы:

неизреченную радость
богатырскую, богомильскую,
богатырскую да бессмертную.
Радость, радость нашу!

*

P.S.

Маленький, но выразительный постскрипtum.

Пришли к нам многие из михайловцев. Старицы михайловские приняли матушку Евфросинию, приняли Слово Божией Матери и приняли нас: 'Эти - нашего духа. Наша церковь!'

От них и позаимствовал я материал для рассказа своего.
Вот оно, великое преемство!
Слава! Слава! Слава!

02.02.2013

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ БЕССМЕРТНЫЙ	9
Полторы тысячи христов мир спасут	9
Вечные Соловки.....	13
Федор Михайлович.....	16
Платонушка.....	18
Наставления старца Платона.....	21
Как учили христы да богородицы XX века.....	23
Черные врата.....	25
Отец.....	26
Суд над красной властью.....	27
‘Матушка София’.....	29
Показательный суд.....	34
В заключении	37
Суд над Сталиным.....	41
‘Я живой, и зло переживу’	44
Небесная церковь в затворе	46
P.S.	48

ЦАРСТВО ДОБРОТЫ В ГУЛАГЕ.....	51
Духостяжание в богомильском ключе	52
Целители добротой.....	54
Вериги.....	55
Как добро побеждало в концлагерях	58
‘Победил ты нас, злых, силой доброты’	61
Пастырь добрый	62
Тайны домостроительства Духа Светлосвята	63
Брачная вечера в ОзерЛаге	65
Рукоположение.....	66
Тайное имя.....	67
Михаил и Серафим в запредельном Гулаге	68
Богомилы XX века времен Гулага.....	71
Священники Гулага	73
Катары на диспутах XIII века	74
‘Гулаг – место собирания Духа Святого’	77
P.S.	79

БОГОМИЛЬСКИЙ ХРИСТОС.....	83
Пришествие во славе небесной любви	83
Для стяжания Духа Светлоотча требуется другой Христос – богомильский.....	85
Универсальное мерло добра и зла	87
Библия не знает нашего Христа!	88
Невинное зрение	90

И 'ветхий' завет, и 'новый' (происхождением от 'ветхого') - умножение зла	93
Основы новой антропологии.....	96
По чьей вине мир лежит во зле.....	99
Три великих богомильских добродетели.....	101
Колесница новых христов.....	103
В N-СКОМ СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ ДЛЯ НЕВИННЫХ АГНЦЕВ.....	107
СТАРЕЦ МИШУТКА В БЕТОННОМ МЕШКЕ, ИЛИ СИЛА ДОБРОТЫ.....	117
Даже судьи были за Михаила!.....	121
Психбольница особого назначения: гулаг в Гулаге ...	122
Христос из психтюрьмы для особо опасных преступников.....	128
Наивысшая степень доброты, невозможная на земле	131
Кровавая 'алхимия'	135
'Озаренные духом'	137
Старец Григорий.....	141
Мощи против живого святого	143
Евангелие славы Второй Голгофы в бетонной камере 2x2	144
Раскол среди михайловцев.....	147
Царские биллокации в сырой 'бетонке'.....	149

‘Божия Матерь в последние времена скроет вас в своей церкви’	155
В стамбульском затворе	157
Михаил в синклите 12-ти огненных христов грядущего богочеловечества	166

